

С.И. Кормилов

«Творчество»

В «Творчестве» (1936), первом стихотворении цикла «Тайны ремесла» («Седьмая книга»), как бы вслед за пушкинской «Осенью» описывается творческий процесс поэта, в данном случае, естественно, собственный ахматовский. Его предваряет «какая-то истома», задерживают на себе внимание разные звуки: бой часов, стихающий гром, наконец, чуются человеческие голоса, «неузнанные и пленные», — уже знакомые нам мотивы чьего-то голоса и «плена», из которого нужно освободиться; «тайный круг» в этом же ряду: тайна должна раскрыться, из круга нужно вырваться, что и происходит, когда «в этой бездне шепотов и звуков / Встает один, все победивший звук» (мотив ненасильственного усилия, победы). Определяют облик будущего стихотворения «звук», тональность, настроение. Интересно, что такой непохожий на Ахматову поэт, как Маяковский, за десять лет до нее («Как делать стихи?») сообщал: в начале работы над стихотворением «обстругивается и оформляется ритм — основа всякой поэтической вещи, проходящая через нее гулом. Постепенно из этого гула начинаешь вытаскивать отдельные слова».

Упоминанием найденного «звука» заканчивается первая половина «Творчества». Далее, как в «Пророке» Пушкина, герой которого, обретя пророческий дар, «внял» многое, в том числе «дольней лозы прозябанье», в ахматовском стихотворении говорится о такой тишине вокруг единственного звука, «что слышно, как в лесу растет трава, / Как по земле идет с котомкой лихо...». Фольклорный образ лиха, олицетворенной беды, — до известной степени параллель строке Пушкина «И гад морских подводный ход», но в большей мере естественное психологическое движение самой Ахматовой, к тому времени уже достаточно хлебнувшей лиха и не раз вообразившей себя в стихах странницей-скиталицей. Все стихотворение состоит из четырех сложных или бессоюзных предложений, которые распределяются по четырем четверостишиям, не отделенным друг от друга, неравномерно, но симметрично: 3+5+3+5 строк, причем «пятистрочия» тоже делятся по принципу 2+3. Синтаксически первое четверостишие сцеплено со вторым, а третье с четвертым (параллельные сильные строфические переносы): «Неузнанных и пленных голосов / Мне чуются и жалобы и стоны», «Но вот уже послышались слова / И легких рифм сигнальные звоночки», то есть речь перебрасывается из строфы в строфу, не уместается на заданном пространстве, она тоже в поиске, в свободном потоке. Когда же наконец «послышались слова» и рифмы (сигналы к приходу других, созвучных слов), творчество становится понятным и легким процессом, когда поэту будто кто-то диктует: «Тогда я начинаю понимать, / И просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь». Ложатся сами. А «белоснежная» тетрадь — символ чистоты, высокого достоинства, даже святости творчества, гарантии бессмертия, о котором Ахматова написала позже, в миниатюре 1944 года:

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло.
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может, и смерти нет.

«Творчество» написано в 1936 году, когда после длительного перерыва Ахматова вновь активизировала свою поэтическую деятельность и когда, по собственному признанию в позднейшей автобиографической заметке, изменился ее «почерк», «голос уже

звучит по-другому», то есть по-настоящему наступил второй большой этап развития ахматовской поэзии, творчество по-новому дало себя знать.